

мально близко к оригиналу [1]. Он назвал книгу «Арифметика Магницкого», указав на обложке, что это «точное воспроизведение подлинника». Издание было дополнено сопроводительной статьей П. Баранова. Принципиальное отличие состояло лишь в том, что издание публиковалось по частям отдельными выпусками. Благодаря этому изданию мы можем говорить о доступности «Арифметики» Л.Ф. Магницкого для современного читателя. Хотя первоначально «Арифметика» была издана тиражом в 2400 экземпляров, что считалось очень значительным для своего времени, но многолетнее использование этого учебника привело к тому, что до наших дней дошло лишь несколько экземпляров, да и то в не очень хорошем состоянии (особенно это касается сохранности титульного листа, фронтисписа и переплета). Эта книга является библио-

графической редкостью, которая доступна только узкому кругу специалистов. Издание П. Баранова существенно расширяет круг пользователей книгой, а ее цифровая электронная копия делает содержание книги общедоступным.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Арифметика Магницкого. Точное воспроизведение подлинника с приложением статьи П. Баранова. М., 1914.
2. Галанин Д.Д. Магницкий и его арифметика. Вып. 1. М., 1914.
3. Гнеденко Б.В., Погребыский И.Б. Леонтий Магницкий и его «Арифметика» // Математика в школе. 1969. № 6.
4. Магницкий Л.Ф. Арифметика сиречь наука числительная... М., 1703.
5. Юшкевич А.П. История математики в России до 1917 года. М., 1969.

Народная педагогика как средство воспитания

На примере Вятской губернии в дооктябрьский период

В.Б. ПОМЕЛОВ,

*доктор педагогических наук, профессор, кафедра педагогики,
Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров*

Народная педагогика исстари выступала важным воспитательным средством подрастающего поколения. Не является исключением в этом отношении и Вятская губерния (ныне Кировская область), на территории которой на протяжении столетий проживают представители различных этносов. Каждый из них вносит свой позитивный вклад в развитие народной культуры и педагогики. В данной статье автором предпринимается попытка показать воспитательные возможности народной педагогики в среде преимущественно крестьянского населения Вятской губернии в досоветское время.

Прежде всего, раскроем воспитательный потенциал народных праздников и обычаев. Как известно, в крестьянском тру-

де радости было мало. Поэтому народ придумывал специальные меры, которые были призваны украшать труд. В числе этих мер наиболее эффективными были традиционные трудовые праздники. Народные воспитатели проявляли много изобретательности для того, чтобы дарить молодежи радость, связанную с трудом.

Календарная обрядность вятского населения, проведение соответствующих праздников были порождены особенностями трудовой, прежде всего сельскохозяйственной, деятельности, поэтому они подразделялись на весенние и летне-осенние. Первые были связаны с подготовкой к севу, вторые — с уборкой урожая. В целом насчитывалось около десятка больших и малых праздников, относившихся к «земледель-

ческой религии» и имевших распространение (с некоторыми различиями) у всех народов Вятского региона.

Из наиболее известных праздников весеннего цикла самым ярким и значительным был праздник сохи (плуга), бытовавший под различными названиями: у марийцев — ага найрам (праздник земли), у мордвы — кереть озис (моление плуга), у чувашей — акаутуй (праздник сохи), у татар и башкир — сабантуй (праздник плуга), у удмуртов — акаяшка или черыпоттом (вывоз плуга).

У удмуртов в день акаяшки вся деревня выходила на яровое поле. Каждая семья вспахивала небольшой участок, глава семьи засеивал его и вместе с семенами разбрасывал куриные яйца, приговаривая: «Господи, благослови и утверди корень, чтобы от одного зерна было семьдесят семь колосьев, чтобы солома была толстая. Дай, Господи, чтобы зерно уродилось столь же великое, как куриные яйца». В лунку клали жертвоприношение земле: пиво, кумышку (домашний спиртной напиток), лепешки, кашу. Обряд завершался своеобразной присягой: присутствующие целовали землю.

Сельскохозяйственные обряды включали в себя, как правило, целый комплекс фольклорных и религиозных ритуалов, исполнение которых должно было, по верованиям крестьян, принести им успех и благополучие. Таковы, например, обряды изгнания из избы «Клопа Хлопотовича» и «Господина Татарника» с поля у народа коми [6, 49–52]¹.

Участие в традиционных народных обрядах и праздниках приучало детей и молодежь к соблюдению соответствующих их возрасту правил поведения. Так, в день проведения акаяшки юноши и девушки держались отдельными группами. Юноши принимали активное участие в конных соревнованиях и других испытаниях, требовавших проявления лучших мужских качеств. Девушки выступали в роли зрителей; они обсуждали выступления юношей, угощались сладостями и чаем.

Другой ежегодный весенний праздник, распространенный в татарских селениях, — джиен (т.е. собрание, сход), проводился на удобных для гуляний лугах или выгонах, вблизи базарных селений, в которых во время праздника проходила торговля продуктами и инвентарем и проводились народные игры. Особенно любимыми были борьба и конные скачки. Праздник продолжался три-четыре дня, а затем он перемещался в соседнее селение, на следующий джиен. Таким образом, в этом празднике участвовало население нескольких джиенных округов. Значительный воспитывающий потенциал этого праздника состоял в том, что в ходе его проведения происходили встречи с родственниками из других селений, устанавливались договоренности о взаимопомощи в страду и при заготовке кормов. Тем самым в сознание детей вносилось понятие о необходимости дружной, совместной работы.

Важный воспитательный аспект джиена заключался и в том, что существенное место на празднике отводилось обычаю килен тетеру (ввод невестки), а также предбрачному знакомству молодежи, которое в обычное время было почти невозможным в связи с предписаниями ислама. Это был единственный праздник, на котором юношам и девушкам не воспрещалось свободно встречаться друг с другом на виду у всех [1, 209].

Распространенными увеселениями в ходе джиена считались песни и пляски, исполнение народных мелодий на скрипке и балалайке, различные игры. Популярностью пользовалась игра «тканье сукна», суть которой состояла в том, что играющие должны были «разлучить» крепко взявшихся за руки парня и девушку. Сопrotивление влюбленной пары должно было символизировать еще большее их сближение и усиление взаимных симпатий.

Совместное пребывание на джиенах юношей и девушек преследовалось духовенством. Игры на джиенах оно считало разнузданностью и называло их «чертовой свадьбой» [5, 10].

¹ В квадратных скобках указан номер работы и страницы в ней из раздела «Использованная литература». — *Ред.*

В народной педагогике народов региона важное место занимали обычаи и праздники, функционально сочетавшие в себе трудовое и праздничное начала и обладавшие значительным воспитательным потенциалом. К таковым относился праздник татар каз омэсе (ощипывание гусей), который проводился осенью, после окончания основных сельскохозяйственных работ. На него приглашались девушки-родственницы из соседних селений. Первую, трудовую часть праздника составляло закалывание и ощипывание гусей или уток, после чего устраивался праздничный ужин. Трудовое содержание этого праздника, носившее в значительной степени символический характер, служило главным образом поводом для девушек «выйти в свет», встретиться с возможными женихами, которые «осаждали» дом, где проводился этот праздник.

В структуре духовного развития личности немаловажное значение имели увеселительные зрелища, праздники и обычаи, им отводилось значительное место в нравственном и эстетическом воспитании детей. Наиболее интересным праздником в Вятской губернии была свистопляска, историческое начало которой положило так называемое хлыновское побоище (в те годы город Вятка именовался Хлыновым). Согласно местному преданию, в 1418 г. устюжане прибыли к вятчанам на помощь в отражении врага, но по ошибке ночью произошло столкновение вятчан с союзниками — «своих своя не познаша». Столичные газеты называли этот праздник «единственным в мире по своей оригинальности и названию» [11]. «Лучшие классы» в свистопляске участвовать избегали — считали ниже своего достоинства, так что это был праздник простого народа. Первая часть праздника состояла из панихиды по убитым в «хлыновском побоище», а вторая, напротив, из различных игр и увеселений, сопровождавшихся в том числе торговлей глиняными игрушками-свистками (отсюда и название — свистопляска, с 1888 г. и по настоящее время — свистунья). Необычное сочетание скорби и разгульного веселья не вызывало какого-либо осуждения, поскольку являлось отзвуком языческих представлений славян о возможности па-

рализовать смерть шумом, пронзительным свистом и весельем и выступало в качестве своеобразного коллективного «оберега» от нечистой силы.

Зять полководца Михаила Илларионовича Кутузова, сосланный в Вятку опальный генерал-майор Н.З. Хитрово, так описывал этот праздник: «Ныне в день сей все утро посвящается молитве, а остальная часть сего достопамятного дня прогулке и увеселениям. Народ собирается с небольшими свистками и целый день свищет, ходя по улицам и стоя на валу, бросает глиняные шарики в ров, куда сходятся городские ребяташки собирать их. Часто случается, что шарики попадают им в голову и прошибают до крови, но это не препятствует им продолжать свою потеху. В честь оставшихся после сражения вдов продаются куклы из глины, расписанные разными красками и раззолоченные» [3, 329, 330].

Именно праздник свистопляски послужил толчком к развитию всемирно известного дымковского промысла, ставшего символом современного Вятского края (Кировской области). По мнению многих исследователей и специалистов, именно дымковская игрушка — самая красивая из аналогичных ей и наряду с другими промыслами Кировской области продолжает играть важную роль в эстетическом воспитании ее жителей.

Среди татарской молодежи были распространены также обычаи проведения вечеров — аулык ей и упынаш ей. Под первым понимался обычай собираться в домах, где родители временно отсутствовали. Девушки пили чай, вязали, пряли, играли. Парни стремились попасть в дом, вызывали девушек на улицу, но на страже стояла строгая старушка — карчык, которой побаивались, так как на следующий день события вечера могли стать известны родителям. Поэтому молодым людям приходилось «усыплять» ее бдительность мнимым уходом юношей домой или подарками, которые выставлялись на стол. «Упынаш ей» — так назывались вечера, на которых встречались юноши и девушки, поэтому они проводились тайком, а в случае их обнаружения разгонялись муллой.

Все рассмотренные нами зрелища, праздники и обычаи, носившие трудовой,

обрядовый, предбрачный или увеселительный характер, составляли неотъемлемую часть народной педагогики и обладали, хотя, разумеется, в разной степени, определенным воспитательным потенциалом, что играло немаловажную роль в основных направлениях воспитания: в духе народности (следование национальным обрядам и традициям), религиозном (выполнение предписаний соответствующей конфессии), нравственном (сохранение памяти об ушедших предках), экологическом (сохранение в чистоте священных рощ, бережное отношение к земле), эстетическом (изготовление красочных игрушек), физическом (кулачные бои, бросание в цель глиняных шаров).

Педагогическое значение вышеописанных праздников, зрелищ и обрядов состояло в том, что, участвуя в них, дети усваивали нормы человеческих взаимоотношений, принятых в соответствующем этносоциальном окружении, и тем самым готовились к вхождению во взрослую жизнь.

Народные праздники, как правило, включают значительное число разнообразных игр, также представляющих собой важный этап подготовки ребенка к практической жизни. В процессе игры дети наблюдают над предметами и объектами игровой деятельности, изготавливают игрушки и игровой инвентарь. Народные игры, забавы, ристания и соответствующие им игрушки и другие игровые принадлежности, выступающие в качестве важного воспитательного средства народной педагогики, обладают достаточно явственно выраженной региональной спецификой, наличие которой позволяет охарактеризовать рассматриваемые регионы как места возникновения целого ряда оригинальных игр и игрушек.

Одним из ремесел, связанных с обработкой дерева, было широко распространенное в Вятской губернии изготовление игрушек типа «мужик и медведь пелят дрова», «скоморохи-плясуны», «лошадь и тележка» и т.п. Крестьяне догадывались о воспитательном и образовательном значении игрушек и делали детям игрушки, представлявшие собой орудия труда. «В этнографическом музее Казанского государственного университета сохраняется коллекция деревянных

детских игрушек из Вятской губернии: прялка с гребешком и донцем, топоры длиной 10–13 см, мялка, молоток, куклы, изображающие женщину, мнущую лен, мужчину с пилой, женщин с ребенком, мужчину верхом на лошади» [7, 108]. Неслучайно уже в пять лет мальчик получал игрушечного деревянного коня, а девочка — куклу. Казанский этнограф А. Можаровский в связи с этим отмечал: «Забава в куклы — это отражение народной жизни... Кукла-женщина выполняет все женские работы: она у нее будто бы прядет свою пряжу и тклет холсты, также стряпает около печки и ходит в поле на жнитье. Кукла-мужчина ходит в лес и рубит дрова, ездит пахать, жать и косить. Для куклы-невесты девочка шьет хорошее приданое» [8, 15, 16].

Распространены были подражательные игры, с элементами драматизации (игрушечной сохой пахут землю, изображают отношения в семье), познавательные (связаны с содержанием прочитанных книг или с исследованием окружающей местности). Но самыми распространенными были подвижные игры.

Национальные игры народов Вятской губернии чрезвычайно разнообразны и отличаются насыщенным педагогическим потенциалом, прежде всего в плане физического воспитания. Такова, например, татарская игра «Маляр и краски», которая представляет собой инсценированный вариант русских горелок. Водящий-«маляр», которым является игрок, умеющий быстро бегать, спрашивает у «хозяйки красок» разрешения взять ту или иную «краску». После получения разрешения он бросается за названной игроком-«краской» в погоню, которая происходит в пределах определенной территории. Если «краске» удастся добежать до условленной линии неосаленной, она возвращается к «хозяйке красок». Если «маляр» ее догнал, она становится его добычей. Игра проводится до тех пор, пока водящий не догнал оговоренное количество «красок».

Старинная удмуртская игра «Поляна-жердь» (Кырен-пучен) проводится на лужайке с очерченными веревками радиусом в десять-пятнадцать метров, в центре которой ставится жердь. По сигналу водящего

играющие стремятся повалить жердь; тот, кому это удастся, становится преследуемым в пределах игровой территории.

Большой популярностью в Вятской губернии пользовалась старинная вятская игра «Клумба-мба», содержание которой состояло в следующем. Играющие становились в две шеренги. По выбору противоборствующей стороны один из играющих стремился разбить «цепочку» соперников; если ему это удавалось, он уводил «трофей» в свою команду, если не удавалось, он сам был вынужден остаться «в плену» и играть на стороне своих бывших соперников.

Е.А. Покровский в своем известном труде «Детские игры, преимущественно русские» (СПб., 1994) выделяет двадцать видов игр (игры с игрушками, в движении, с палками, с костями, с завязанными глазами и т.д.) общей численностью около тысячи наименований, с указанием мест их распространения или возникновения. Примечательно, что Вятская губерния является единственной из всех российских губерний, представленной во всех видах игр. Она характеризуется и как регион, в котором возникло (или получило распространение) наибольшее количество вариантов игр.

Воспитание детей патриотами, гуманистами, обладающими широкими и глубокими интересами и имеющими серьезные духовные запросы и образовательные потребности, невозможно без опоры на народное искусство и национальную культуру, которые с наибольшей силой и яркостью представлены в фольклоре, выступающем как важное средство народной педагогики. К.Д. Ушинский отмечал, что песни, легенды, сказки, былины есть отражение педагогического гения народа [13, 108, 109].

Фольклор как особый синтетический вид искусства соединяет в себе слово, музыку и исполнение, что позволяет выделить в нем следующие основные направления: песни, загадки, пословицы и поговорки, сказки и др. Каждый жанр фольклора обладает своими образовательными и воспитательными возможностями. Специфической особенностью фольклора региона была его многонациональность.

Одним из ведущих жанров фольклора является песня. Отличительной чертой об-

разно-смыслового содержания многих народных песен рассматриваемых регионов является значительность поднимаемых в них проблем, связанных с обобщением жизненного опыта, который преподносится в форме доброго совета или пожелания. Излюбленной темой татарских народных песен является мысль о том, как мужает молодой человек: «Если снежная метель пойдет, не будет ли унывать молодой олененок? / Никакого горя не хлебнув, мужчиной не станет юноша» [12, 125].

В татарских народных песнях воспеваются мужская дружба, ее верность и надежность: «Золотом потеку, серебром буду капать, / Для вас, друзей, и в пламени стору» [9, 544].

Другой важный мотив татарских народных песен — любовь к родине, родным местам: «Переправляясь через Белую реку, / Запел, когда веслами греб. / Прекрасны берега Белой, красота их печальные думы рассеивает. / То запевал, дорогая, то плакал, когда вспоминал родные места».

Широко распространены в народной лирике социальные мотивы, песни протеста: «Посеял рожь — не родилась. Посеял пшеницу — не взошла. / Работая на бояр, всегда был голодным».

Близки к ним по социальному содержанию и душевному настроению рекрутские песни: «С малых лет я батрачил, было мне не до наук. / Только вырос я — забрали для солдатских горьких мук» [2, 31].

Жемчужиной песенного творчества удмуртского народа является песня «Черемуха»: «На черемуху на белую не гляди, когда цветет. / Скоро белую черемуху горький ветер разнесет. / На купаву золоченую не заглядывайся ты. / У купавы позолоченной холод вычернит листья. / На басму зелено-синюю брось ты пристально смотреть, / Ведь басме зелено-синей в полдень солнечный сгореть. / Видишь, девушки красивые и смеются, и поют, / Только всех красивых девушек нелюбимые возьмут. / Слышишь, парни кучерявые славят храбростью весну. / Только храбрость кучерявую царь угонит на войну...» [10, 38].

Во многих песнях народов Вятской губернии нашли свое яркое выражение этические, патриотические и другие ценност-

ные мотивы, что свидетельствует о значительности их воспитательного потенциала.

Важным средством познания детьми окружающего мира и развития у них нравственных представлений о взаимоотношениях между людьми служат загадки. Значительный объем этой части фольклорного творчества народов Вятской губернии, прежде всего удмуртов и марийцев, был связан с лесом и его обитателями. Например: «Зиму всю спит, весной на пасеку спешит» (медведь), «Посреди леса лежит красный клубок» (лиса), «Нос свиной, мех еловый» (еж), «Белее снега, чернее угля» (сорока), «В лес идет — домой смотрит, домой идет — в лес смотрит» (топор)» [4, 76].

Полиэтнический состав населения рассматриваемых регионов не приводил к каким бы то ни было трениям на национальной почве, как это, к сожалению, имело и имеет место в ряде других регионов Российского государства. Характеризуя этот феномен общественной жизни, видный казанский педагог П.Д. Шестаков в конце XIX в. отмечал, что «между инородцами нет вражды и неприязни к русским, особенно между инородцами-финнами. Русские в преданиях финских инородцев занимают место между народами, которые любезны богам. У чуваш даже есть загадка, весьма лестная для русского народа: «Длинный русский входит в избу» (луч солнца).

Уважительное отношение к русским, прививавшееся родителями своим детям, нашло отражение в фольклоре марийского народа: «Один русский смотрит в два окна» (матица¹), «В подполье лежит русский богатырь» (бочка), «Один русский подпоясался двенадцатью ремнями» (кадка).

Пословицы и поговорки народов Вятской губернии отражали весь спектр взаимоотношений между людьми. Покажем это на примере татарских пословиц и поговорок. Центральное место среди них занимают пословицы, посвященные труду: «Кто без дела, тот без хлеба», «Пока железо в работе, его не берет ржа», «Поработай до поту — поешь в охоту». В народном творчестве прославляется ремесло, которое «украшает человека»: «Умелый не пропадет, а не-

умелый плохо живет», «Джигиту мало и семидесяти специальностей».

Ведущее значение сельскохозяйственного труда в жизни крестьянина получило соответствующее отражение в таких пословицах: «Дно плуга — золото», «Чего не сделал во время посева, то поздно делать в жатву», «У кого скот, у того и угощение», «Корова во дворе, молоко на столе». Значительная часть из них связана с необходимостью формирования у детей нравственных понятий и представлений: «Собака идет туда, где накормят; джигит идет туда, где родина», «Народ сам себе зеркало», «Человек без родины — соловей без песни», «На воду не опирайся, врагу не верь», «Одна головня и в печи гаснет, а две и в поле курятся», «Не красивая любима, а любимая красива».

Своеобразие вятского народного характера, его талант ярко проявляются в неповторимых, единственных в своем роде в русском фольклоре, присказках, в которых в оригинальной форме сочетаются педагогическая назидательность, юмор, наблюдательность, самоирония и скромность вятчан. В качестве примера приведем следующие высказывания: «Вятские — ребята хватские; семеро одного не боятся. А один на один — все котомки отдадим», «Вятский в бане не сробеет и на печке не сдрожит», «Вятский, он хватский: из пятерых хоть один, да с телеги свалится», «Шибко любим до обеда спать, а потом до ужина опять», «Вятская начка: сперва — накачка, потом — раскачка, а под конец — горячка», «Вятский глазам не верит — пощупать надо» и др.

Различные фольклорные жанры служили в качестве воспитательного средства не только в бытовой среде, но и достаточно активно изучались и применялись учителями, стремившимися к всестороннему использованию их позитивного потенциала.

В отечественной народной педагогике в диалектическом единстве представлены общечеловеческие, национальные и локальные черты духовной культуры населяющих Россию народов; народная педагогика не есть застывший памятник прошлого. Воплощая в себе лучшие черты педагогической

¹ Матица — балка, брус поперек всей избы, на котором настлан накат, потолок.

мудрости предшествующих исторических эпох, она выступает гарантом сохранения для будущих поколений лучших достижений народной педагогической мысли.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемов В.* Джиены, или зинн, народный татарский праздник // Казанские губернские ведомости. 1848. № 26. Отд. 1. Ч. неофиц. С. 209, 210.
2. *Вамба Р.А.* Лирические песни казанских татар крестьянской и городской традиций (дореволюционный период): Дис. ... канд. искусствоведения. Казань, 1974.
3. Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1892 г. Вятка, 1892. С. 329, 330.
4. *Киткаева Л.С.* Марийские былички: Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1990.
5. *Коблов Я.Д.* О магометанских муллах. Казань, 1907.
6. Коми народная песня: Вып. 2 / Ред. А.К. Микушев, П.И. Чисталев. Сыктывкар, 1968.
7. *Лештаева Н.В.* Внутрисемейные отношения русского сельского населения Казанского Поволжья второй половины XIX — начала XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1994.
8. *Можаровский А.* Из жизни крестьянских детей: Этнографические материалы. Собраны в Казанской губернии. Казань, 1882.
9. Народ поет: Сборник татарских народных песен. Казань, 1954.
10. Песни и сказки удмуртского народа / Сост. Я.А. Акмин. Киров, 1936. 62 с.
11. *Савинов И.Н.* Историческое предание и описание праздника свистопляски в Вятке // Санкт-Петербургские ведомости. 1856. № 127.
12. Татарские народные песни. Казань, 1964.
13. *Ушинский К.Д.* Родное слово // Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 2. М., 1988. С. 108–121.

ПРОЧИТАЙТЕ С ДЕТЬМИ

Надежный капитан

С капитаном котом
Полным курсом идем!
Кот не любит воды —
В безопасности мы!

Заморский почтальон

С моря дует ветерок,
Подгоняет катерок.
Подплывает ближе он —
К нам заморский почтальон.
Он привез со всех морей
Море радостных вестей!

И торопится скорей
Всех обрадовать людей!

Компот

В банку яблоки набились,
Все удобно разместились.
Их залили кипятком
С растворенным сахарком.
Дали время настояться
И сиропом напиться.
После этого компот
Аппетитно смотрит в рот!

А.В. БЕХТЕРЕВ